

Мартти Талвела:

ВСТРЕЧАТЬСЯ, ЗНАКОМИТЬСЯ, ДРУЖИТЬСЯ

Сегодня исполняется 25 лет со дня подписания соглашения о культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Финляндией.

В просторной гостиной, кажется, нет больше места ни для чего, кроме мощного, густого баса. И уже осязаемой становится картина из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин», которую репетирует певец: «Хочет враг навеки Русь заполнить. Силы есть у нас. Да кто их соберет. Нет равных воевод...»

Затихают звуки рояля. Певец, сам себе аккомпанировавший, поворачивается ко мне и по-русски спрашивает:

— Звучит по-русски?
— Совершенно по-русски.
— Спасибо, Евгений!

Мартти Талвела, один из известнейших басов мира, благодарит другого всемирно известного баса, солиста Большого театра Союза ССР, народного артиста СССР Евгения Нестеренко за то, что тот нашел время помочь в подготовке оперы «Иван Сусанин» к концертному исполнению на русском языке в Соединенных Штатах.

Моя первая встреча с Талвелой состоялась в солнечный зимний день 1975 года в его домике на окраине Хельсинки. Тогда речь шла в основном о Савонлинском оперном фестивале, художественным руководителем которого долгое время он был, и о его знаменитой роли Бориса в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Опера эта по существу и принесла широчайшую известность музыкальному празднику в Савонлинна. Неповторимость ощущения вызывается и тем, что действие происходит в старинном замке Олавилинна под открытым небом.

Талвела тогда говорил: «Борис требует так много сил, что вряд ли я спою его более сорока раз». Но он сам еще не знал тогда о своих огромных возможностях.

В июле этого года певец позвонил мне по телефону и сообщил: «Только что приехал из Франции. Пел Бориса на празднике во французском городе Оранж. Два спектакля. Это было мое 201-е и 202-е исполнение партии Бориса. Два спектакля, на каждом по десять тысяч зрителей, понимаешь!»

...Лет пять тому назад Талвела переехал ближе к родным краям, в провинцию Саво. Километрах в 80 от Савонлинна находится его усадьба Инкьянхонви. Он нашел здесь то, что давно искал: землю, которую надо обрабатывать, лес, за которым надо ухаживать, озера, тоже требующие внимания. И овцы. Их около 350. Это не хобби. Это настоящая повседневная работа, такая же, как в искусстве.

— Тот день, что мы провели у Мартти Талвелы, останется в памяти навсегда, — говорит в беседе со мной Евгений Нестеренко. — Вот, например, дом. Пребывание в нем навеивает воспоминания. Раньше жили в нем мастера по изготовлению домашнего масла. Есть и фирменный, как сейчас сказали бы, знак: на деревянной доске рисунок — корова и колос. Продукцию здесь готовили высокого качества и отвозили в Петербург, а оттуда привозили мебель, предметы домашнего обихода. Вот отсюда и веет чем-то исконно русским.

— Когда попадаете в этот дом, то сразу чувствуете — это дом Лариных, прямо-таки кусочек «Евгения Онегина», — продолжает Нестеренко. — А природа вокруг... Это уже похоже на места из «Анны Карениной». Кстати,

Талвела мне сказал, что зимой длинными вечерами они в семье много читают вслух. (Особенно русских писателей — Чехова, Достоевского, Толстого, добавляет обаятельная жена певца Аннука). Любят читать «Анну Каренину». И когда мы вышли из дома, Мартти повел меня на луг и сказал:

— Смотри, вон поляна, лес, озеро, а дальше луг. Если выйти на него, то можно не сомневаться, что увидишь встречу Левина и Китти. Я часто хожу туда, смотрю, вспоминаю и переживаю...

М. Талвела: Для меня невозможно даже думать, что я мог бы исполнять Бориса Годунова, петь в операх «Хованщина», «Иван Сусанин», не зная русской истории, литературы. Я не мыслю себя без этого. Я с удовольствием всегда бываю в ваших художественных музеях. Они очень расширяют представление о русской культуре, истории, народе — о России, соседней стране. Не могу без волнения смотреть картину Репина «Иван Грозный убивает своего сына». А когда я исполняю романс Рахманинова «Ночь печальная»...

Артист дальше не может говорить. Чувства его переполняют. Он начинает петь. Такое с Талвелой часто случается. Он очень эмоционален — лучше выразить пением то, что не скажешь словами.

«Далеко в степи широкой огонек мерцает одинокий», — с неподдельной грустью поет Талвела.

— Знаешь, где я эту грусть увидел, где понял, как надо петь этот романс? В Русском музее. Там есть одна картина, я ее сразу нашел бы. Такое не приметное на первый взгляд полотно. На нем изображен огонек. Но как изображен, вот в чем секрет. Он и определил тональность этого романса.

Е. Нестеренко: Очень интересен его взгляд на жизнь, на свое предназначение в жизни. Я думаю, что многих, в том числе и меня, удивляет, как может артист, который поет, как он говорит, 55—57 спектаклей в год, тем более все за рубежом — в США, ФРГ, Франции, Англии, еще вести такое хозяйство.

Из 260 гектаров земли у Талвелы 24 занято под пашню. И все обрабатывает сам вместе с женой Аннукой. Помогают дети, когда приезжают. Постоянными помощниками является одна молодая семья. Но Талвелу можно увидеть и на тракторе, и на стройке зернохранилища, и в овчарне, и в мастерской. Везде нужны сильные мужские руки. Ростом Талвела выше двух метров.

М. Талвела: Я беру на себя смелость сказать, что Евгений и Катя (жена Нестеренко. — Прим. авт.) мои друзья. Началось все с того, что я по итальянскому телевидению увидел Нестеренку в роли Филиппа в опере Верди «Дон Карлос». Я был восхищен его мастерством и сразу решил, что такого певца надо пригласить к нам на фестиваль в Савонлинна.

Талвела последовательно претворял в Савонлинна в жизнь идею «оси сотрудничества», как он говорил. В Савонлинна путь продолжили прославленные мастера — пианист Эмиль Гилельс, Академический симфонический оркестр Ленинградского филармония под управлением Арвида Янсонса. С их вы-

ступлений в середине 70-х годов начался новый этап международной известности Савонлинна. И еще одно знаменательное событие: в июле 1980 года в этот город приезжают Евгений Нестеренко и Галина Борисова — солисты Большого театра.

Талвела, тогда уже не руководитель фестиваля, но душой и всеми помыслами все еще находящийся с ним, как, впрочем, и сейчас, конечно же, приехал на спектакль «Дон Карлос». Приехал, чтобы встретиться наконец-то и лично познакомиться с Нестеренко.

Е. Нестеренко: Хорошо помню, как Талвела пришел за кулисы. Представляться ему не надо было. Его невозможно ни с кем спутать. Зашел, приветливо сказал несколько слов по-русски. Мы познакомились. Пожелал удачи и пошел в зал...

Вашему корреспонденту довелось присутствовать на том спектакле, наблюдать одного выдающегося мастера на сцене, а другого в зрительном зале. Под гром оваций спектакль завершился уже где-то за полночь, так как летнее солнце не дает рано начинать представление. И вот артисты собрались в верхней зале замка. Подхожу к Талвеле. Первое, что он сказал: «Мы ждем Евгения как настоящего короля».

Е. Нестеренко: Талвела произнес небольшую речь. Он от души приветствовал сотрудничество между нашими странами в области культуры. Это искреннее, теплое приветствие показало его характер, редкостную чуткость, любовь к нашей стране, нашему искусству, нашему народу.

Талвела однажды со всей семьей посетил спектакль «История лошади», который проездом из Швеции в Ленинград в финской столице на сцене Национального драматического театра давал Ленинградский академический Большой драматический театр имени Горького. Успех спектакля у публики был грандиозен, а у такого эмоционального человека, как Талвела, и говорить нечего. Потом он ездил в Ленинград, встречался с Товстоноговым, Лебедевым, с которыми познакомился в Хельсинки.

Г. Товстоногов в беседе со мной говорил: «Я не оперный режиссер, поэтому вначале колебался, когда Талвела пригласил меня поставить в замке Олавилинна оперу Верди «Дон Карлос». Но когда я увидел этот замок, в котором происходит действие, это вызвало во мне интерес, и я с удовольствием работал над постановкой. На премьере Талвела пел Филиппа. Это было прекрасное исполнение. Талвела для меня прежде всего большой артист, художник. Общение с ним — всегда радость, потому что он большой энтузиаст своего дела. Я помню, как он разговаривал с хором, как ставил артистам художественные задачи.

М. Талвела: Такие люди, как Женя Лебедев (так Мартти зовет артиста по-русски), незабываемы. Спектакли «История лошади», «Генрих IV» — это шедевры. Когда их смотришь, ни на минуту не приходит в голову мысль о том, что не знаешь языка. Все — в игре, интонациях, жестах. Я не мог не пригласить Товстоногова для работы в Савонлинна. И уверен, что от этого сотрудничества выиграли все, прежде всего искусство. Опера имеет исключительную популярность все эти годы. Очень жаль, что сейчас ее предполагают снять. Она еще далеко не утратила своей прелести. К тому же есть и достойные ис-

полнители. Недавно Финляндия была потрясена выступлениями ленинградского баритона Владимира Чернова. Роль в «Дон Карлосе» — его любимая. И очень жаль, если такой встрече в Савонлинна не суждено будет состояться.

Е. Нестеренко: В 1981 году в январе я репетировал главную роль в «Летучем голландце» Вагнера в Мюнхене. (К сожалению, я потом заболел, так и не спел эту партию). А Мартти в это время находился там же. Он пел в опере «Похищение из сераля» Моцарта. И вот я репетирую дуэт Голландца и Даланда. Вдруг открывается дверь, заходит Мартти и просто говорит: «Давай я тебе подпою». Конечно, мне одному репетировать дуэт было не так удобно, и он, зная об этом, пришел мне помочь. Это тоже очень характерно для него.

У Талвелы очень высокая репутация в мире искусства и широчайший спектр творческих возможностей. Он хорошо разбирается в финском, русском, итальянском, французском, немецком, английском репертуарах. И он, конечно, очень много сделал для пропаганды русского искусства за рубежом. Многие артисты поют произведения наших композиторов, потому что это имеет спрос. Мартти поет, потому что это его любовь. Любовь серьезная, бескорыстная и, я бы сказал, плодотворная.

...Когда Талвела услышал, что Нестеренко находится в Хельсинки в качестве члена жюри первого Международного конкурса вокалистов имени Мирьяма Хелин, он сразу же решил приехать, хотя времени было немного. Мне посчастливилось встретить Нестеренку и Талвелу на окраине Хельсинки около гостиницы «Каластаяторппа» («Хижина рыбака»). Затем они сели в мою старенькую «тоёту», и мы отправились в музыкальную академию имени Яна Сибелиуса, где проходил конкурс. Нестеренко времени даром не терял. Он знал, что Талвела готовит «Ивана Сусанина», и здесь же, в машине, начал править клавиш. Приехали. Стоял прекрасный солнечный день. Не отходя от машины, на ее крыше Нестеренко продолжил работу. Талвела был весь внимание, несмотря на то, что уже начал собираться народ: еще бы, встреча таких двух артистов!

М. Талвела: Я лично не занимаюсь политикой, потому что она может захватить целиком (такой уж Талвела человек: если что-то делать, то основательно). Но мы бываем в разных странах мира, встречаемся, дружим, знакомимся. На этих добрых началах и основываются контакты в искусстве. Культурные связи между нашими странами, их интенсивность и широта говорят сами за себя. Мы же соседи, причем с богатым стажем. Нам надо жить в дружбе, доверии...

Во время недавней поездки к Талвеле я заметил около рояля партитуру «Хованщины». Артист готовит ее для исполнения в «Метрополитен-опере» в Нью-Йорке осенью этого года. Опять же на русском языке.

— Есть трудности, — говорит Талвела. — Хотелось бы разучивать партию с советским концертмейстером. Давно сделал официальный запрос, предложил все услуги за мой счет, но сдвига пока никакого нет. Так и напиши: Талвела очень ждет советского концертмейстера.

Николай ГОРБУНОВ,
корр. ТАСС — специально
для «Советской культуры»,
ХЕЛЬСИНКИ.